

на чистое, и обвертывался он
 молодым молодцом. Как будет
 он у шатра Иванова, сам згово-
 рил таково слово: гой еси ты, мо-
 лодый Иван Годиновичъ, выди
 ты вон из бѣла шатра полотня-
 ново, мнѣ хочется с тобою
 перевѣдаться и перемирье
 взять о красной Настасье
 Дмитриевнѣ. Выходил

(л. 23) Иван Годиновичъ в однѣх чулках
 и без чеботов, в одной сорочкѣ
 и без пояса, имал Иван Годиновичъ
 поганово царя за белы руки,
 ударил царя о сыру землю мате-
 рую, наля под ним земля по-
 тряслася, садился Иван царю поганому
 на белы груди, вынимал он свой
 булатной ножъ, на мусате
 ножичек наставлявает,
 хочет он у царища поганово
 спороть груди бѣлыя и закрыть
 очи ясные. Възмолитца цари-
 що поганое: Ой еси ты, Наста-
 сья Дмитриевна, выди ты

(л. 23 об.) вон из бела шатра, сворити с
 меня Ивана Годиновича, яз
 тебя за себя возму, а станеш
 ты слыти царицею, и всѣ орды
 нам поклонятся. А как ты
 будеш, Настасья, за Иваном
 за Годиновым, и тебѣ слыть <будет> холо-
 пкою во дворѣ у Владимира ки-
 евсково. У всякие де у женщины
 волосы долги а ум короток, вы-
 ходила Настасья из бела шат-
 ра, имала Ивана за белу ногу,
 своротила ево с царища пога-
 ново, садился царищо на белы
 груди молоду Ивану Годиновичю.

(л. 24) Вынимает свой булатной нож, на
 мусатичке ножичек наста-
 вливает, хочет он спороть груди
 бѣлыя и закинуть очи ясные.

Сам говорит таково слово: для то-